

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

АРХИВЫ ДРЕЗДЕНА

ГРОЗА ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ
ЛУНА СВЕТИТ БЕЗУМЦАМ
МОГИЛА В ПОДАРОК
ЛЕТНИЙ РЫЦАРЬ
ЛИКИ СМЕРТИ
КРОВАВЫЕ РИТУАЛЫ
БАРАБАНЫ ЗОМБИ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ВИНЫ
БЕЛАЯ НОЧЬ

ДЖИМ БАТЧЕР

 АРХИВЫ ДРЕЗДЕНА

**ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ВИНЫ
БЕЛАЯ НОЧЬ**

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
Б 28

Jim Butcher
PROVEN GUILTY
Copyright © 2006 by Jim Butcher
WHITE NIGHT
Copyright © 2007 by Jim Butcher
Published by permission of the author and his literary agents,
Donald Maass Literary Agency (USA)
via Alexander Korzhenevski Agency (Russia)
All rights reserved

Перевод с английского Николая Кудряшева
Серийное оформление и оформление обложки
Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-20882-7

© Н. К. Кудряшев, перевод, 2008, 2009
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ВИНЫ

Глава 1

Кровь не оставляет следов на плаще Стража. Я не знал это до того дня, когда на моих глазах Морган, второй по старшинству в Корпусе Стражей, занес меч над коленопреклоненной фигурой юноши, уличенного в занятиях черной магией. Мальчишка — ему и шестнадцати-то, поди, не исполнилось — кричал и ругался по-корейски под своим черным капюшоном. По малолетству он явно уверовал в свое бессмертие. Он так и не понял, когда меч опустился на его шею.

Что, на мой взгляд, можно считать милостью. Микроскопической, конечно.

Кровь тугой струей ударила из шеи, нарисовав в воздухе алую арку. Я стоял на расстоянии меньше десяти футов. Горячие капли обожгли мне щеку, а еще большее их количество усеяло злыми красными точками весь левый бок моего плаща. Голова покати-лась на землю, и я увидел, как капюшон на ней шевелится, словно рот у мальчишки продолжал выкрикивать проклятия.

Тело повалилось на бок. Мышцы одной ноги подергались некоторое время и затихли. Секунд через пять замерла и ткань капюшона.

Морган постоял еще немного над безжизненным телом, держа в руках сияющий серебром меч карающего правосудия Белого Совета. Помимо него и меня на казни присутствовала дюжина других Стражей, а также два члена Совета Старейшин: Мерлин и мой бывший наставник Эбинизер Маккой.

Когда и голова перестала подавать последние слабые признаки жизни, Морган повернулся к Мерлину и кивнул. Мерлин кивнул в ответ.

— Да обретет он покой.

— Покой, — эхом отозвались Стражи.

Все, кроме меня. Я повернулся к ним спиной, сделал два шага в сторону, и меня вырвало прямо на пол заброшенного склада.

С минуту я стоял, дрожа, пока не пришел в себя немного, потом медленно выпрямился. Кто-то приблизился ко мне; я поднял взгляд и увидел, что это Эбинизер.

Если не считать нескольких клочков редких седых волос, голова его совершенно облысела; на макушке багровел относительно свежий, резко выделявшийся на розовой коже шрам. Седая борода, закрывавшая чуть ли не половину лица, придавала ему свирепое выражение. Притом что возраст его насчитывал уже несколько столетий, двигался он на редкость энергично, да и взгляд из-под очков в старомодной золотой оправе оставался бойким, настороженным. Одет он был в положенный для собраний Совета черный балахон с темно-лиловой накидкой члена Совета Старейшин.

— Гарри, — негромко произнес он. — Ты в порядке?

— После такого-то? — огрызнулся я достаточно громко, чтобы меня услышали все присутствующие. — Вряд ли кто-либо в этом чертовом здании должен оставаться в порядке.

Я ощутил внезапное напряжение в воздухе за спиной.

— Нет, не должны оставаться в порядке, — кивнул Эбинизер и покосился на остальных чародеев, упрямо вздернув бороду.

К нам подошел Мерлин — тоже в форменном облачении: балахоне и накидке. Выглядел он именно так, как положено выглядеть чародею: высокий, длинные седые волосы, длинная седая борода, пронзительный взгляд голубых глаз, печать возраста и мудрости на лице.

Во всяком случае, возраста — точно.

— Страж Дрезден, — произнес он. У него был звучный голос профессионального оратора, а английскому выговору позавидовал бы выпускник Оксфорда. — Если у тебя имелись свидетельства, доказывавшие невиновность этого юноши, тебе стоило представить их суду до вынесения приговора.

— У меня ничего такого нет, и вам это прекрасно известно, — ответил я.

— Его вина доказана, — продолжал Мерлин. — Я сам заглядывал ему в душу. Я обследовал также больше двадцати смертных, чьи сознания он подверг изменением. Трем из них, возможно, еще удастся вернуть рассудок. Еще четверых он заставил покончить

с собой, и мы обнаружили девять мертвых тел, спрятанных им от местных властей. Все они состояли в кровном родстве.

Мерлин приблизился еще на шаг, и воздух в помещении вдруг показался мне обжигающе горячим. Глаза его сияли ледяным гневом, а голос буквально вибрировал от заключенной в нем энергии.

— Силы, которыми он пользовался, уже разрушили его психику. Мы сделали то, что необходимо.

Я повернулся к нему лицом. Я не выпячивал подбородок, не пробовал пригвоздить его взглядом к полу. Я не принимал вызывающей или оскорбленной позы, не пытался казаться рассерженным или непочтительным. Несколько последних месяцев наглядно продемонстрировали мне, что Мерлин получил свою нынешнюю работу не по объявлению в газете. Он являлся, выражаясь кратко, сильнейшим чародеем планеты. И обладал даром, навыками и опытом для того, чтобы использовать эту свою силу с максимальной эффективностью. Если бы у нас с ним дело дошло до обмена магическими оплеухами, того, что от меня осталось бы, не хватило бы даже на то, чтобы наполнить коробку с обедом. Чего-чего, а драться с ним мне не хотелось.

Но и идти на попятную тоже.

— Он ведь был совсем еще ребенок, — сказал я. — Мы тоже не сразу стали взрослыми. Он нагородил ошибок. Мы все совершали ошибки.

Мерлин смерил меня взглядом, в котором раздражение мешалось с презрением.

— Тебе ведь известно, что делает с человеком использование черной магии, — сказал он. Легкие оттенки тона, безупречно выверенное ударение на этих словах не оставили сомнений в невысказанном продолжении: «Известно, потому что ты ею занимался. Рано или поздно ты тоже оступишься, и настанет твой черед». — Один раз, потом еще. И еще.

— Я это слышу то и дело, Мерлин, — ответил я. — «Скажи „нет“ черной магии». Но у этого мальчишки не было никого, кто рассказал бы ему правила, кто учил бы его. Если бы кто-нибудь вовремя узнал про его дар и сделал бы что-нибудь...

Он поднял руку, и в этом простом жесте было столько власти, что я замолчал.

— Ты не принял в расчет, Страж Дрезден, что юноша, допустивший глупую ошибку, умер задолго до того, как мы обнаружили

причиненное им зло. То, что от него осталось, было не чем иным, как монстром, который до конца своих дней сеял бы вокруг себя лишь смерть и ужас.

— Я это знаю, — ответил я и на этот раз не смог сдержать ни гнева, ни досады. — И я знаю, что это необходимо было сделать. Знаю, что это единственное средство, которое могло бы остановить его. — Мне показалось, что меня вот-вот вырвет снова. Я закрыл глаза и оперся на свой массивный дубовый посох. Совладав с желудком, я повернулся к Мерлину. — Но это не отменяет факта: мы только что убили парня, который, возможно, даже не понимал, что с ним происходит.

— Вряд ли ты вправе обвинять кого-либо в убийстве, Страж Дрезден. — Мерлин выгнул седую бровь. — Не ты ли разрядил пистолет в затылок женщине, в которой лишь заподозрил Собирателя Трупов?

Я поперхнулся. Еще бы не я — в прошлом году. И если бы я ошибся в своей догадке, если бы меняющий тела чернокнижник, известный как Собиратель Трупов, и правда не перепрыгнул в тело Стража Люччо, вышло бы так, что я убил ни в чем не повинную женщину, члена Белого Совета.

Я не ошибся тогда — но я никогда прежде... не убивал? Да нет, в пылу боя убивал, и не раз. И людей, и нелюдей. Однако смерть Собирателя Трупов вышла другой. Я убил его — или ее? — обдуманно, хладнокровно. Точнее, почти хладнокровно. Никого другого — только я с пистолетом в руке и безжизненный труп. Я отчетливо помнил, как принял решение, ощущение холодного металла в руке, тугий ход спускового крючка, грохот выстрела и то, как вяло повалилось наземь тело.

Я убил человека. Осознанно лишил жизни.

И кошмар этот до сих пор терзает меня по ночам.

Собственно, у меня и выбора-то особого не было. Промедли я хоть секунду, и Собиратель Трупов призвал бы на помощь свою смертоносную магию, а тогда лучшее, на что я смог бы надеяться, — это смертное проклятие, которое поразило бы меня сразу же, как я убил бы чертова некроманта. И вообще, последние день или два выдались тогда не самыми удачными, так что нервишки у меня были так себе, на взводе. Да и будь иначе, уверен, в открытом бою я бы с Собирателем Трупов не справился. Потому я и не дал ему шанса на открытый бой. Я выстрелил ему в голову —

в упор. Собирателя необходимо было остановить, и другого варианта у меня не имелось.

Я казнил по подозрению.

Никакого следствия. Никакого заглядывания в душу. Никакого беспристрастного судейства. Черт возьми, да я даже испугаться не успел! Бах! Шлеп! В итоге один живой чародей, один мертвый нехороший парень.

Я сделал это, чтобы защитить себя и других. Возможно, я принял не лучшее решение — но единственно возможное. Я не колебался даже доли мгновения. Просто нажал на спуск и занялся другими проблемами — тем более в ту ночь их у меня хватало.

Поступил так, как и положено поступать Стражу. Вроде как поумерил свой святее-вас-всех пыл.

Бездонные голубые глаза внимательно следили за моим лицом, и Мерлин медленно кивнул.

— Ты казнил ее, — негромко произнес Мерлин. — Потому что это было необходимо.

— Это совсем другое дело, — пробормотал я.

— Разумеется. Твой шаг требовал гораздо более глубокого осмысления. Ты действовал в темноте и в одиночку. Подозреваемый обладал значительно большей силой, чем ты. Промахнись ты — и это стоило бы тебе жизни. Ты поступил так, как того требовала обстановка.

— «Необходимо» еще не значит «правильно», — возразил я.

— Возможно, — кивнул он. — Однако законы магии — это все, что препятствует чародеям злоупотреблять своей силой в отношении смертных. Здесь нет места для компромисса. Ты теперь Страж, Дрезден. Тебя должен волновать в первую очередь твой долг перед смертными и перед Советом.

— Долг, который означает порой убийство детей? — На этот раз я не пытался скрыть презрение; впрочем, пар из меня почти весь вышел.

— Долг, который означает поддержание закона — всегда и везде! — рявкнул Мерлин, пробуравив меня искрящимся от ярости взглядом. — Это твой долг. А теперь — еще в большей степени, чем прежде.

Я первым отвел глаза, не дав ему заглянуть мне в душу. Эбнизер стоял в паре шагов от меня, молча изучая выражение моего лица.

— Для своих лет ты повидал много, даже слишком, — продолжал Мерлин, хотя голос его чуть смягчился. — Но ты не видел, как ужасно все может обернуться. Даже вполвину того не видел. Законы существуют не по прихоти. И буквы их необходимо держаться.

Я повернул голову и посмотрел на небольшую алую лужицу, которая успела скопиться на полу рядом с телом мальчишки. Имени его мне так и не сказали.

— Верно, — устало кивнул я и вытер чистой полой плаща кровь с лица. — Я вижу, чем написаны эти буквы.

Глава 2

Я повернулся и вышел из склада на улицу, в чикагскую интерпретацию лета в Майами. Июль на Среднем Западе часто выдается знойным, но в этом году жара стояла особенно мучительная и часто шел дождь. Склад находился в порту, а следовательно, на берегу озера, вода в котором — как правило, ледяная — тоже была теплее обычного. В результате в воздухе еще сильнее воняло тинной, гнилыми водорослями и тухлой рыбой.

Проходя мимо двух дежуривших у входа Стражей в серых плащах, я обменялся с ними кивками. Оба были младше меня — явно из последнего набора в военно-полицейские силы Белого Совета. Миновав их, я ощутил едва заметное покалывание — завесу, заклятие, скрывавшее склад от посторонних взглядов. По меркам Стражей, не особенно крутая завеса, но, возможно, мне и такая не удалась бы, да и выбор Стражей сильно сузился после успешной наступательной операции, которую провела Красная Коллегия прошлой осенью. Нищие не выбирают.

Я скинул плащ и балахон, оставшись в шортах цвета хаки, красной футболке и кедах. Вряд ли от этого стало намного прохладнее, но, по крайней мере, я не ощущал себя больше таким жалким. Я поспешил к своей машине — изрядно побитому «фольксвагену-жуку»; я оставил его на стоянке, опустив все стекла, чтобы нутро его не превратилось на солнце в раскаленную духовку. Вследствие того что мой механик последовательно заменял поврежденные панели частями выброшенных на свалку «жуков», машина представляет собой сложную мозаику различных цветов, однако, поскольку изначально кузов имел светло-голубую окраску, он до сих пор носит имя «Голубой жучок».

Позади послышались быстрые тяжелые шаги.

— Гарри! — окликнул меня Эбинизер.

Не оборачиваясь, я швырнул плащ с балахоном на заднее сиденье «жучка». Пару лет назад внутренности моей машинки ободрали до голого металла, и мне пришлось на скорую руку ремонтировать все подручными средствами: деревянным хламом и изолентой. С тех пор один из моих друзей потрудился над интерьером. Теперь его трудно назвать стандартным, да и симпатичным тоже, но плетеные сиденья все-таки удобнее и приятнее деревянных ящиков, на которых приходилось сидеть прежде. И у меня наконец снова появились пристойные ремни безопасности.

— Гарри, — повторил Эбинизер. — Черт подери, парень, да погоди же!

Я поиграл с мыслью сесть в машину и уехать к чертовой матери, но вместо этого остановился и подождал, пока старый чародей поравняется со мной, стаскивая на ходу свои плащ и балахон. Под ними обнаружили поношенный джинсовый комбинезон, белая футболка, на ногах — тяжелые кожаные походные башмаки.

— Нужно с тобой кое о чем переговорить.

Секунду-другую я молчал, стараясь взять себя в руки. Я имею в виду, и эмоции, и желудок — что-то не хотелось мне повторять недавнее представление на складе.

— О чем?

Он остановился в паре шагов от меня:

— Война идет неважнецки.

Разумеется, он имел в виду войну между Белым Советом и Красной Коллегией вампиров. Несколько лет она сводилась к замысловатым пируэтам на цыпочках и стычкам в глухих закоулках, однако прошлой осенью вампиры повысили ставки. Свое наступление они скоординировали по времени с активизацией деятельности предателя в рядах самого Совета и с нападением нескольких некромантов-чернокнижников, которые подняли из могил мертвых, вызвали всяких злобных духов... и сотворили множество других, еще более омерзительных вещей.

Вампиры нанесли Совету удар. Тяжелый. Прежде чем битва завершилась, они убили почти две сотни чародеев, в основном Стражей. Собственно, поэтому мне и вручили серый плащ — им отчаянно требовалась любая помощь.

Однако помимо чародеев вампиры убили еще почти сорок пять тысяч человек — мужчин, женщин, детей, которым не повезло оказаться поблизости.

Поэтому я и принял плащ. Такое невозможно оставлять безнаказанным.

— Я читал сводки, — буркнул я. — Там говорится, Венатори Умброрум и Братство Святого Жили развернули активные действия.

— Не просто развернули. Если бы они не начали наступления, чтобы отвлечь силы вампиров, Красная Коллегия разделилась бы с Советом уже несколько месяцев назад.

Я моргнул от неожиданности:

— Так серьезно?

Венатори Умброрум и Братство Святого Жили являлись главными союзниками Совета в войне с Красной Коллегией. Первые представляли собой древнее, глубоко законспирированное сообщество, объединившее борцов с темными сверхъестественными силами везде, где только можно. Вроде масонов, только с большим количеством огнеметов. Но в наше время они превратились скорее в этакое академическое учреждение, и, хотя некоторые из них обладают тем или иным военным опытом, подлинная их сила заключается в ловком использовании официальных структур правопорядка, а также в анализе информации, полученной из самых различных источников.

Совсем другое дело — Братство Святого Жили. Числом они уступали своим ученым собратьям из Венатори, зато большая их часть уже не совсем являлась людьми. Насколько я понимаю, основную их численность составляют те, кого наполовину обратили в вампиров. Они заражены той темной силой, которая превращает Красную Коллегию в столь опасного противника, однако до тех пор, пока они добровольно не напились настоящей человеческой крови, они не перестают быть людьми. Зато они становятся сильнее, быстрее и выносливее обычных людей, и живут они на порядок дольше — если, конечно, не падут жертвой непрерывной жажды крови или не погибнут в бою с врагами из Красной Коллегии.

Несколько лет назад женщину, которая очень много значила в моей жизни, захватили вампиры из Красной Коллегии. Собственно, и война-то началась из-за того, что я отбил ее обратно, не особенно выбирая средства. Отбить я ее отбил, но не спас. Черная магия вампиров коснулась ее, и теперь вся ее жизнь превратилась в бой — в бой с вампирами, которые сделали с ней такое, и с жадой крови, которой они ее заразили. Теперь она состояла в Братстве, куда входили люди вроде нее, а также, как я слышал,

многие другие люди и не совсем люди — те, кому некуда больше податься. Святой Жиль, как известно, покровительствует прокаженным и изгоям. Его Братство, пусть и уступает мощью нашему Совету или вампирским династиям, все же представляет собой серьезную силу, и союзник из них очень и очень полезный.

— Наши союзники не могут выступить против вампиров в открытом сражении, — кивнул Эбинизер. — Но они сеют смятение на коммуникациях Красной Коллегии, затрудняют ведение разведки, мешают кормиться на смертных. Они выявляют внедрившихся к людям агентов Красных. Смертных, находящихся под контролем Красной Коллегии, задерживают, сажают в тюрьму или убивают — в любом случае изолируют. Венаторы и Братство делают все, что в их силах, чтобы снабжать нас оперативной информацией, — именно благодаря их помощи нам удалось провести несколько успешных операций против вампиров. Наши союзники не то чтобы нанесли им серьезный урон, но заметно сковали в действиях. Возможно, достаточно, чтобы дать нам шанс восстановиться.

— А как дела с подготовкой пополнения? — поинтересовался я.

— Лючко уверена, что со временем нам удастся компенсировать все наши потери, — ответил Эбинизер.

— Не вижу, чем еще я мог бы помочь, — сказал я. — Если только вы не хотите, чтобы кто-то занялся зачатием новых чародеев.

Он шагнул ближе и огляделся по сторонам. Лицо его оставалось невозмутимым, но он проверил, нет ли поблизости кого-либо, способного нас подслушать.

— Тебе известно не все. Мерлин решил, что об этом не стоит знать всем.

Я повернулся к нему и склонил голову набок.

— Помнишь прошлогоднее наступление вампиров? — продолжал Эбинизер. — Когда они призвали Иных и напали на нас на землях фэйри?

— Насколько я понял, они поступили необдуманно. Фэйри с них за это шкуру спустят.

— Мы тоже так считали, — кивнул старик. — И правда, Летние объявили войну Красной Коллегии и даже обменялись с ними ударами. Однако Зимние не отреагировали никак — да и у Летних, говоря прямо, тоже дальше укрепления границ не пошло.

— Королева Мэб не объявила войну?

— Нет.

Я нахмурился:

— Как-то не верится, чтобы она не использовала такого шанса. При ее-то кровожадной натуре...

— Нас это тоже удивляет, — признался Эбинизер. — Поэтому я и хочу попросить тебя об одолжении.

Я молча смотрел на него.

— Узнай причину, — произнес он. — У тебя есть связи в обеих династиях. Узнай, что происходит. Почему сидхе не ввязались в войну.

— Что? — не поверил я своим ушам. — Совет Старейшин не знает этого? А как же все ваши посольства, связи в верхах, официальные каналы? А большой красный телефон?

Эбинизер улыбнулся, хоть и не слишком весело.

— Война изрядно ограничивает возможности добывать информацию, — ответил он. — И мир духов не исключение. Просто там борьба сверхъестественных шпионов и всех прочих заинтересованных сторон ведется на ином уровне. А что до наших посольств у сидхе... — Он пожал плечами. — Ну, кому знать, как не тебе.

— С ними сидхе вели себя вежливо, открыто, искренне, но оставили в полнейшем неведении насчет причин происходящего, — предположил я.

— Именно так.

— И Совет Старейшин просит меня выяснить это?

Он снова обернулся:

— Не Совет Старейшин. Я прошу. И еще кое-кто.

— Кто?

— Люди, которым я доверяю, — сказал он и глянул в упор поверх очков.

Мгновение я внимательно смотрел на него, потом кивнул.

— Предатель, — прошептал я.

Слишком круто провернули Красные все прошлым летом, чтобы считать это просто удачей. Каким-то образом им удалось выведать жизненно важные секреты вроде дислокации сил Совета и их планов. Кто-то из наших скармливал им эту информацию, а результатом стала гибель многих чародеев — в том числе на землях сидхе, куда Красные вторглись, преследуя наши отступающие порядки.

— Вы считаете, — продолжал я, — что предатель входит в Совет Старейшин?

— Я считаю, что мы не можем рисковать, исключая такую вероятность, — тихо произнес он. — Это не официальное поручение. Я не могу приказать тебе, Гарри. Я пойму, если ты откажешься. Но никого лучше для такой работы нет — и наших нынешних союзников хватит в таких условиях ненадолго. Их лучшим оружием всегда была скрытность, а нынешняя активность обходится им слишком высокой ценой — они платят жизнями, и только ради того, чтобы помочь нам.

Я сцепил руки на животе:

— Конечно, мы должны им помочь. Но всякий раз, стоит мне покоситься в сторону фэйри, я вляпываюсь во все более серьезные неприятности с ними. Меньше всего мне сейчас нужно вот это. И если я пойду на...

Эбинизер переступил с ноги на ногу, хрустнув гравием. Я покосился в сторону склада и увидел выходящих Мерлина с Морганом. Они тихонько беседовали, не глядя по сторонам.

— Я как раз хотел поговорить с тобой, — громко произнес Эбинизер явно в расчете на посторонние уши. — Хотел удостовериться, что Морган и другие Стражи относятся к тебе с уважением.

Я подхватил намек.

— Когда они со мной вообще разговаривают, — ответил я. — Едва ли не единственный Страж, с которым я общаюсь, — это Рамирес. Неплохой парень, он мне нравится.

— Что ж, очко в его пользу.

— То, что заложенная в Совет бомба с часовым механизмом хорошо о нем отзывается? — Я замолчал, пропуская Мерлина с Морганом и ожидая, что те уйдут, но они, не прекращая вполголоса переговариваться, остановились неподалеку от нас. Некоторое время я смотрел на гравий у моих башмаков, потом заговорил еще тише: — На месте этого паренька запросто мог оказаться я.

— Это было давно, — возразил Эбинизер. — Ты был совсем еще сопливым мальчишкой.

— Как и он.

Лицо Эбинизера застыло.

— Мне жаль, что тебе пришлось наблюдать все это.

— Уж не затем ли всё провели здесь? — поинтересовался я. — Почему казнь устроили именно в Чикаго?

Он устало вздохнул:

— Это ведь один из главных мировых перекрестков, Гарри. Через Чикаго проходит больше транзитных авиалиний, чем через любой другой аэропорт. Добавь сюда порт, железные дороги, грузовики. Уйма людей прибывает в город и покидает его — здесь Красной Коллегии труднее отслеживать наши перемещения. — Он одарил меня мрачной улыбкой. — И потом, Чикаго, похоже, вреден для здоровья любого прибывающего сюда вампира.

— В качестве легенды очень убедительно, — хмыкнул я. — А на самом деле?

Эбинизер вздохнул и поднял руку в примирительном жесте:

— Не я назначал это здесь.

Мгновение я молча смотрел на него, потом кивнул:

— Мерлин.

Эбинизер кивнул в ответ и повел кустистой седой бровью:

— И из этого следует?..

Я пожевал губу, сдвинув брови в умственном усилии. Не то чтобы от этого лучше думалось, но попробовать все равно стоило.

— Он послал мне весточку. Так сказать, убил разом двух зайцев.

Эбинизер кивнул:

— Он с удовольствием сместил бы тебя с должности Стража, но, хотя оперативное руководство осуществляет Морган, общее командование корпусом остается за Люччо. Она на твоей стороне, и большинством голосов Совет Старейшин поддержал ее.

— Бьюсь об заклад, это ему понравилось, — заметил я.

Эбинизер коротко хохотнул:

— Я боялся, его удар хватит.

— Блестяще, — восхитился я. — Особенно если учесть, что я отрекся от этой работы, как только мог.

— Знаю, — кивнул он. — На твою долю достались самые буераки.

— Выходит, Мерлин решил, что, посмотрев на казнь, я напугаюсь до усеру и стану паинькой. — Я нахмурился, размышляя. — Насколько я понимаю, по поводу прошлогоднего нападения нет никакой ясности? Никаких безумных переводов на банковские счета, которые могли бы навести на предателя?

— Пока нет, — признался Эбинизер.

— Значит, пока предатель разгуливает на свободе, все, что достаточно сделать Мерлину, — это дождаться, пока я облажусь в чем-нибудь. Тогда он сможет обозвать это изменой и растереть меня в труху.

Эбинизер кивнул, и я прочел в его взгляде предостережение — что ж, неплохой повод взяться за предложенную работу.

— Он искренне верит, что ты представляешь собой угрозу Совету. Если твое поведение это подтвердит, он сделает все, что считает необходимым, чтобы тебе помешать.

— В истории уже был один такой тип, — сказал я. — По имени Маккарти. Если Мерлину так не терпится найти предателя, он его найдет — вне зависимости от того, есть он на самом деле или нет.

Эбинизер нахмурился, и в голосе его зазвучал шотландский акцент, как бывало всегда, когда он злился. Он покосился на Мерлина.

— Ага. Я подумал, тебе стоит знать.

Я по-прежнему избегал смотреть ему в лицо. Терпеть не могу, когда меня принуждают к чему-то. Впрочем, у меня не возникало впечатления, будто Эбинизер пытается загнать меня в угол. Он просто просил об услуге. Я мог согласиться, а мог отказать, но и во втором случае с его стороны мне ничего не грозило. Не в его это духе.

Я поднял глаза и кивнул:

— Ладно.

Эбинизер медленно выдохнул и благодарно кивнул в ответ.

— Да, еще одно. — Он протянул мне конверт.

— Что это?

— Не знаю, — ответил он. — Привратник просил передать тебе.

Привратник. Самый немногословный из Старейшин, но даже Мерлин выказывал ему особое уважение. Ростом он превосходил меня, а это кое-что да значит, и держался он, как правило, в стороне от закулисных дрызг Совета, а это значит еще больше. Он знал такое, чего ему вроде бы и не полагалось знать — я имею в виду, больше, чем многие другие чародеи, — и, насколько я могу судить, он всегда был со мной откровенен.

Я вскрыл конверт. Внутри лежал один-единственный листок бумаги. Ровным округлым почерком на нем было написано:

Дрезден!

За последние десять дней в Чикаго отмечено несколько случаев применения черной магии. В твои обязанности как уполномоченного по региону входит расследование и выявление виновных. С моей точки зрения, это необходимо сделать безотлагательно. Насколько мне известно, никто пока не осведомлен о сложившейся ситуации.

Рашид

Я устало потер глаза. М-да, замечательно. Опять черная магия в Чикаго. И если это не какой-нибудь съехавший с катушек тип в черной шляпе, то, скорее всего, еще один мальчишка вроде того, которого только что убили у меня на глазах. Собственно, других вариантов не так много.

Лично я очень надеялся на первое — на психа... извините, политкорректнее сказать «психически неуравновешенную личность». С таким я худо-бедно справлюсь. Кое-какой опыт имеется.

А вот со вторым — не думаю.

Я убрал письмо в конверт и задумался. Похоже, это лучше оставить между нами с Привратником. Он не стал просить меня прилюдно, даже Эбинизеру не сказал, что происходит, а значит, я свободен решать, как мне со всем этим справляться. Если бы Мерлин об этом знал и дал мне поручение официально, уж он расстарался бы, чтобы у меня не оставалось ни малейшего выбора в средствах, да и то мне пришлось бы работать под микроскопом.

Привратник доверил мне справиться с тем, что считал неправильным. Тот еще подарочек.

Как-то надоедает иногда быть тем парнем, которому положено разрешать неразрешимые ситуации.

Я поднял взгляд и увидел, что Эбинизер, хмурясь, смотрит на меня. Количество морщин на его лице разом удвоилось.

— Что? — спросил я.

— У тебя прическа новая, Хосс? Или еще что-то?

— Э-э... ничего нового. А что?

— Вид у тебя какой-то такой... — Старый чародей помолчал, обдумывая. — Не такой.

Сердце у меня забилося немного чаще. Насколько я знал, Эбинизер оставался в неведении о том сознании, что арендовало

неиспользованные закоулки моего мозга, и мне очень хотелось, чтобы так продолжалось и дальше. При всей своей репутации такого магического смутьяна он специализировался на работе с самыми изначальными, самыми разрушительными силами и способностей имел гораздо больше, чем полагали многие в Совете. В общем, я мог ожидать, что он ощутит присутствие поселившегося во мне Падшего ангела.

— Ну... да, — сказал я. — На мне плащ людей, которых я большую часть своей жизни избегал. Если не считать этого, а еще моего увечья и того, что последний год я почти не спал, ничего такого особенного.

— Да уж, ничего, — кивнул Эбинизер. — Как рука?

Каким-то образом я удержался от резкого ответа — что как была, так и осталась сплошным шрамом, ни дать ни взять оплывшая восковая скульптура. Пару лет назад я столкнулся с одной вреднозადой тварью, и она сообразила, что моя магическая оборона рассчитана на защиту от кинетической энергии — но не тепловой. Я поплатился за ее знание своей шкурой, когда пара ее безумных рабов начала поливать меня самодельным напалмом. Горючую смесь мой щит остановил, но жар пробил его и изжарил мне руку, которой я этот щит выстраивал.

Я поднял левую, обтянутую перчаткой руку и чуть пошевелил большим, указательным и средним пальцем. Остальные пока не двигались без помощи соседей.

— Осязания в них пока не много, но стакан пива удержать могу. Или руль. Мой врач заставляет меня играть на гитаре — считает, что так рука быстрее разработается.

— Неплохо придумано, — хмыкнул Эбинизер. — Упражнения полезны для тела, а музыка — для души.

— Не в моем исполнении, — возразил я.

Эбинизер улыбнулся одними губами, потом полез в карман комбинезона, достал часы на цепочке и, нахмурившись, взгляделся в циферблат.

— Пора перекусить, — заявил он. — Ты голоден?

Ничто в его голосе не выдало скрытого подтекста, но я его уловил.

Эбинизер стал моим наставником как раз тогда, когда я в этом остро нуждался. Он обучил меня почти всему, что я полагал достойным изучения. Он держался со мной неизменно щедро, терпеливо, дружески.

И все это время он лгал мне, нарушая все те принципы, которыми меня обучал. С одной стороны, он учил меня тому, что значит быть чародеем, тому, как произрастает магия из самых сокровенных убеждений. Тому, что творить с помощью магии зло — хуже, чем преступление, ибо это извращает самый смысл магии. С другой стороны, все это время он служил Черным Посохом Белого Совета — чародеем с лицензией на убийство, на нарушения законов магии, на надругательство над лучшим в тех силах, которые он использовал, — и все во имя политической необходимости. Что он и делал. Не раз и не два.

Когда-то я верил Эбинизеру как никому другому. Всю свою жизнь я выстроил на том основании, что заложил он своими уроками: как надо использовать магию, что такое хорошо и что такое плохо. А потом он, можно сказать, наплевал мне в душу. На поверку все его слова оказались ложью, и мне было чертовски больно узнать это. С тех пор прошло два года, и все равно при мысли об этом на меня накатывала тошнота.

Мой старейший наставник протягивал мне оливковую ветвь, пытаясь отодвинуть в сторону то, что встало между нами. Я понимал, что мне во всех отношениях лучше пойти ему навстречу. Я понимал, что он при всех своих способностях остается человеком, так же подверженным слабостям, как и любой другой. Я знал, что мне стоило бы плюнуть на свою обиду, убрать разделяющие нас барьеры и жить дальше в ладу с ним. Черт, да поступи я так — и это стало бы самым разумным и естественным. Самым правильным, что я мог бы сделать.

Но я не мог.

Слишком больно мне было обо всем этом думать.

Я поднял на него взгляд:

— Что-то аппетит у меня неважный: угроза смерти не слишком способствует.

Он кивнул, принимая вежливый отказ; лицо его по-прежнему оставалось невозмутимым, но мне показалось, что в глазах мелькнуло сожаление. Он молча поднял руку в знак прощания, повернулся и зашагал к старому, побитому фордовскому пикапу, выпущенному, должно быть, еще в годы Великой депрессии. Я стоял, терзаясь сомнениями. Может, мне стоило сказать ему что-нибудь. Или плюнуть на все и пойти перекусить со стариком.

Впрочем, отказавшись от еды, я не слишком кривил душой. Есть я наверняка не смог бы. Я все еще чувствовал на лице горя-

чие капли крови, все еще видел неестественно застывшее тело в расплывшейся по полу багровой луже. Руки у меня снова начали дрожать, и мне пришлось зажмуриться, усилием воли отгоняя от себя эту картину. А потом я сел в машину и постарался оставить воспоминания о случившемся позади.

Мой «Голубой жучок» — далеко не спортивная тачка, но гравиом из-под колес брызнул что надо.

Движение на улицах было получше, чем в иные дни, но жара стояла адская, поэтому на первом же светофоре я снова опустил все стекла и попытался мыслить ясно.

Следствие среди фэйри. Чудеснее некуда. Стопроцентная гарантия, что дело запутается и осложнится донельзя, прежде чем я хотя бы приближусь к ответам на вопросы. Если фэйри чего-то и не терпят, так это давать прямые ответы на любой ваш вопрос. Вытянуть из них истину — все равно что зуб рвать. Ваш зуб, не чей-нибудь. И не просто так, а скажем, через нос. Ваш нос.

Но Эбинизер говорил правду. Возможно, я единственный из членов Совета имею знакомых и среди Летних, и среди Зимних сидхе. Так что если кому из Совета и вести следствие — так это мне. Вот счастье-то...

А еще, наверное, для того, чтобы мне не стало слишком скучно, я должен выследить незнамо какую черную магию и остановить ее. Собственно, этим и положено заниматься Стражам, когда они не бьются на войне; я и сам делал это два или три раза и не могу сказать, чтобы это мне нравилось. Черная магия означает какого-то чернокнижника, а эти ребята всегда рады укокошить вмешавшегося в их дела чародея, да к тому же обладают возможностью это сделать.

Фэйри.

Черная магия.

Да уж, мало не покажется.

Глава 3

Все произошло в доли секунды. Только что пассажирское кресло моего «Голубого жучка» было пустым, а в следующее мгновение в нем уже сидели. Я вскрикнул и едва не врезался в развозной фургон. Шины протестующе завизжали, машина сорвалась в занос. Отчаянным усилием я восстановил управление; будь на крыле у «жучка» еще хоть один слой краски — и столкновения не избежать. Вцепившись в руль побелевшими от напряжения пальцами, я чуть перевел дух и повернулся испепелить своего пассажира взглядом.

В кресле справа от меня сидела Ласкиэль, она же Искусительница, она же Паучиха — в общем, что-то вроде ксерокса с Падшего ангела. Вообще-то, она могла принимать любую внешность по своему выбору, но чаще всего являлась в образе высокой спортивной блондинки в белоснежной античной тунике до колен. Она сидела, сложив руки на коленях, глядя перед собой в ветровое стекло; на губах ее играла легкая улыбка.

— Какого черта ты здесь делаешь? — рявкнул я. — Угробить меня хотела?

— Не говори ерунды, — беззаботно отозвалась она. — Никто не пострадал.

— Не благодаря тебе, — огрызнулся я. — Пристегни ремень.

Она спокойно посмотрела на меня:

— Не забывай, смертный, у меня нет физической формы. Я существую единственно в твоём сознании. Я мысленный образ. Иллюзия. Голограмма, видимая только тебе. Мне нет смысла пристегиваться ремнем.

— Тут дело в принципе, — возразил я. — Моя машина. Мой мозг. Мои правила. Пристегни чертов ремень или сгинь.

Ласкиэль вздохнула.

Содержание

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ВИНЫ	5
БЕЛАЯ НОЧЬ	477

Батчер Дж.

Б 28 Архивы Дрездена : Доказательства вины ; Белая ночь : романы / Джим Батчер ; пер. с англ. Н. Кудряшева. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 896 с. — (Звезды новой фэнтези).

ISBN 978-5-389-20882-7

Его зовут Гарри Блэкстоун Копперфилд Дрезден. Можете колдовать с этим именем — за последствия он не отвечает. Когда дела принимают странный оборот, когда то, чему положено хорониться во мраке, выползает на свет, когда никто больше не может помочь вам, звоните... Кому? Ему, Гарри Дрездену. Имя его есть в «Желтых страницах»...

Так случилось, что магам из Белого Совета позарез нужен человек, способный достоверно установить: правда ли то, что черная магия вновь правит бал в Чикаго? Выбор, естественно, пал на Дрездена. А еще, как назло, к Гарри заявляется дочь его старого друга, знакомого которой несправедливо обвиняют в чудовищном преступлении, и просит о помощи. Как совместить то и другое? Легко! Дрезден — лучший в мире специалист, способный расследовать несколько дел одновременно («Доказательства вины»).

В городе объявился серийный убийца ведьм. А для Гарри Дрездена ведьмы не только ведьмы, они для него к тому же еще и женщины. Поэтому ему даже в голову не могло прийти отказаться от поисков неуловимого и безжалостного убийцы («Белая ночь»).

Цикл романов о Гарри Дрездене занимает достойное место в одном ряду с таким известным образцом фэнтези-детektива, как сериал о приключениях Гаррета, вышедший из-под пера Глена Кука.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Литературно-художественное издание

ДЖИМ БАТЧЕР

АРХИВЫ ДРЕЗДЕНА ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ВИНЫ БЕЛАЯ НОЧЬ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 28.02.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 56. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-ZNF-29797-01-R